

и онъ рѣшается отвести душу, воспѣвъ въ лицѣ другого влюбленнаго собственныя страданія. Онъ будетъ пѣть о любви Троила къ Гризейдѣ и объ его гореваныи, когда она удалилась отъ него, какъ удалилась Фьямметта. Троилъ — это онъ, сраженный любовью: такъ произвольно толкуетъ Боккаччо греческое слово Филострато, которымъ назвалъ свою поэму; Троилъ былъ счастливъ съ Гризейдой, но Боккаччо связанъ своимъ источникомъ и осторегаетъ насъ отъ отождествленій: если онъ говорить о блаженствѣ Троила, то не съ тѣмъ, чтобы увѣрить другихъ, будто и ему улыбнулась судьба, а дабы изображеніемъ счастья лучше оттѣнить послѣдовавшее горе. Троилъ былъ счастливъ обладаніемъ Гризейды, онъ — лицезрѣніемъ своей дамы, котораго теперь лишенъ; пусть-же вернется она скорѣе, и да возжеть въ ея сердцѣ Амуръ то чувство, въ которомъ поэтъ видитъ свое единственное блаженство.

Такъ говоритъ Боккаччо въ письмѣ, которымъ посвятилъ Фьямметтѣ свою первую законченную поэму, Филострато — потому что Филоколо, хотя и начатый ранѣе, въ весеннюю пору любви, дописанъ былъ позднѣе, подъ совершенно иными впечатлѣніями, когда все было кончено и рефлексія вступила въ права чувства. Онъ сочинялся медленно, Филострато вылился заразъ въ минуты аффекта, отъ котораго Боккаччо пытался освободиться, художественно изобразивъ его вѣ себѣ. Это изображеніе даетъ намъ мѣру его таланта; Филострато заставляетъ предчувствовать Декамеронъ: это уже новелла, хотя еще въ формахъ рыцарского романа; тотъ-же реализмъ, тотъ-же психологический анализъ, съ его тонкостями и недочетами, то-же отношеніе къ источникамъ.

IV.

Боккаччо заимствовалъ сюжетъ своей поэмы изъ *Roman de Troie* французскаго трубера Бенуа de Sainte More — либо изъ его латинскаго пересказа, принадлежащаго Guido delle Colonne.

*

Выборъ пагъ на эпизодъ Троила и Гризейды, разбросанный въ романѣ Бенуа и всесцѣло принадлежащій его вымыслу: ничего подобнаго онъ не нашелъ у тѣхъ авторовъ, въ которыхъ средніе вѣка почерпали свои свѣдѣнія о «тroyанскихъ дѣяніяхъ», у Дарета и Диктиса. Онъ первый представилъ себѣ Троила, Пріамова сына, влюбленнымъ рыцаремъ, увлеченнымъ Брезеидой; онъ-же сдѣлалъ ее дочерью Калханта и изобразилъ мастерски: она поставлена у него въ средоточіи разсказа, кокетливая красавица, полная желанія любить и нравиться и незамѣтно переходящая отъ одной привязанности къ другой, среди упрековъ самой себѣ и самооправданій, что иначе ей и нельзѧ было поступить.

Жрецъ Калхантъ (смѣшанный съ гомеровскимъ Хризомъ) измѣнилъ троянцамъ и перешелъ въ станъ грековъ, оставилъ въ Трой свою dochь Бризейду. Пользуясь перемириемъ, онъ требуетъ ея выдачи; по этому поводу мы узнаемъ впервые, что она въ Троилъ любить другъ друга: это — совершившійся фактъ, на которомъ поэтъ и не останавливается. Оба влюбленныхъ горюютъ; красавица плачетъ: какъ ей покинуть родной городъ для лагеря, гдѣ постыдно было бы жить и простой служанкѣ! Я не знаю тамъ ни короля, ни герцога, ни графа, который услужилъ бы мнѣ и почтилъ бы меня. И она поминаетъ Троила: ни одна женщина не полюбитъ его такъ, какъ я. — Ночь они проводятъ вмѣстѣ; на другое утро Бризейда собирается къ отѣзду, не забывая пріодѣться къ лицу и вѣльть уложить свои платья. Троилъ провожаетъ ее; онъ страшно ее любить, она опечалена, но вскорѣ успокоится и обратить свою любовь на другого — и поэтъ пользуется случаемъ наговорить общихъ месть о непостоянствѣ женщинъ, у которыхъ горе держится не долго и одинъ глазъ еще плачетъ, когда другой уже смѣется. При разставаніи оба любовника клянутся въ вѣрности другъ другу, Троилъ удаляется, грустный и задумчивый, а Діомедъ, выѣхавшій на встрѣчу Бризейдѣ, тотчасъ-же, по дорогѣ, начинаетъ ухаживать за нею; счастливъ тотъ, кому вы подарили свою любовь, говорить онъ, и не покажись это слишкомъ поспѣшнымъ, я сталь-бы молить

васъ принять меня, какъ вашего рыцаря и поклонника. Вѣдь часто бываетъ, что люди никогда не видѣвшіеся и не знавшіеся, полюбить другъ друга; я никогда не испыталъ любви, но теперь чувствую, что она мною овладѣла.—Бризенда отвѣчаетъ коротко: было-бы нехорошо и непристойно, еслибъ я дала слово полюбить человѣка, котораго никогда не видѣла и не знаю; у кого на сердцѣ такая печаль, какъ у меня, тому мало дѣла до вашіхъ словъ: я разстались съ милымъ и не знаю, увижу-ли его когда нибудь. Вы такъ мужественны, благородны и образованы, что нѣть на свѣтѣ женщины или дѣвушки, которая отказала бы вамъ; да и я не отказываю, только нѣть теперь желанія полюбить ни васъ, ни кого бы то ни было; еслибы я захотѣла отданыся этому чувству, повѣрьте, никто не былъ бы мнѣ дороже васъ.—Діомедъ видитъ, что она не дикарка; прежде чѣмъ разстаться съ нею, онъ нѣсколько разъ обратился къ ней съ той-же просьбой, унесъ ея перчатку и радуется, видя, что она на то не разсердила.—Не успѣлъ наступить четвертый вечеръ, какъ у нея прошла уже охота вернуться въ Трою.—Въ одной изъ схватокъ Діомедъ свалилъ Троила съ коня, котораго посыпаетъ въ даръ Бризенидѣ. Она говорить посланцу: Скажи своему хозяину, что онъ плохо меня чувствуетъ; кто меня любить, не долженъ наносить вредъ тому, кто мнѣ милъ. Она выражаетъ надежду, что Троилъ съумѣеть отмстить за свое пораженіе—и вмѣстѣ съ тѣмъ кокетничаетъ съ Діомедомъ: передай ему, что было бы съ моей стороны несправедливо, еслибъ я его ненавидѣла за его любовь ко мнѣ. Она мучитъ Діомеда, хваля передъ нимъ храбрость Троила, и вмѣстѣ съ тѣмъ рада, что Діомедъ попался въ ея сѣти; она даетъ ему вмѣсто значка — свой рукавъ.—Когда впослѣдствіи Троилъ ранилъ Діомеда и наглуился надъ нимъ и измѣнницей, Бризенда не можетъ болѣе скрыть своего новаго чувства: она дѣйствительно полюбила Діомеда. Не хорошую пѣсню сложать обо мнѣ, говорить она сама себѣ: я измѣнила своему милому безъ всякой вины съ его стороны; я лжива, вѣтрена, неразумна. Но къ чему каяться, когда мое сердце уже отдано другому? Будь я въ Троѣ, ничего подоб-

наго не произошло-бы; здѣсь у меня не было ни друга, ни совѣтчика, ни поддержки. Станутъ злословить меня тѣ, кто опоздалъ съ своимъ утѣшениемъ; но не слѣдъ томиться и мучиться ради людей: что мнѣ за польза въ томъ, что всѣ веселы, а мое сердце печально?— Ее тревожитъ голосъ совѣсти: она то плачетъ, то весела и успокоивается сознаніемъ, что сдѣланнаго не измѣнить: Господь да пошлетъ всего хорошаго Троилу! Такъ какъ я не могу болѣе любить его, ни онъ меня, я отдаюсь Діомеду; я хотѣла-бы лишь одного — забыть все прошлое.

Таково содержаніе эпизода о Бризейдѣ; позднѣе мы узнаемъ, что Троилъ былъ убитъ Ахилломъ.

Боккаччо воспользовался этимъ эпизодомъ: отбросивъ подробность о конѣ, иначе разработавъ мотивъ «рукава», онъ оставилъ почти безъ измѣненія общій ходъ дѣйствія, развивъ его внутренне и вдвинувъ въ болѣе культурную бытовую обстановку. Существенно измѣнены взаимныя положенія дѣйствующихъ лицъ: главный интересъ сосредоточивается не на Бризейдѣ — Гризейдѣ Боккаччо —, а на Троилѣ, въ которомъ поэтъ хотѣлъ изобразить самаго себя: не наивнаго юношу французскаго романа, впервые открывающагося чувству любви, а человѣка испытавшаго въ ней, взвѣшивавшаго ея горе и радости. Гризейда очутилась вдовою; это дало Боккаччо болѣе простора: его героиня опытная женщина, она любить сознательнѣе и виртуознѣе; кокетство Бризейды почти изчезло, явилась софистика любви и роковая власть Амура. Между Гризейдой и Троиломъ стало новое лицо Пандара: типъ созданный Боккаччо; мизогиническая философія Бенуа и монологъ Бризейды могли лишь издали навести его на его замыселъ. Весь эпизодъ счастливой любви написанъ заново: у Бенуа его нѣть, Боккаччо вложилъ въ него много пережитаго.

Троилъ когда-то увлекался, но позналъ цѣну любовныхъ тревогъ и непостоянство женщинъ¹⁾ и счастливъ, что теперь

1) Filostrato I, 22; сл. VIII, 80.

онъ свободенъ и его сердце не занято¹⁾). Такъ было и съ Боккаччо передъ тѣмъ, какъ онъ увидѣлъ Фьямметту въ церкви Санъ-Лоренцо; Троилъ видитъ Гризейду въ храмѣ Паллады: она въ черномъ платьѣ, какъ Фьямметта. Онъ пораженъ ею; вернувшись домой, онъ предается вздохамъ; любовь овладѣла имъ, и онъ намѣренъ ее таить, дѣйствуя осторожно, потому что, открытая многимъ, она приносить не радость, а горе²⁾. Онъ старается увидать Гризейду, обратить ее вниманіе бранными подвигами, забыть про юду и сонъ, поблѣдѣть, а она и не замѣчаетъ его страсти. Онъ плачетъ и вздыхаетъ; онъ еще будетъ падать въ обморокъ, биться объ стѣну, болѣть отъ любви; онъ не сентименталенъ, а страстно сензитивенъ, невоздержанъ въ выраженіи аффектовъ, какъ южный человѣкъ, какъ Ромео — и Боккаччо; какъ онъ, энергиченъ и нерѣшителенъ. — Пока онъ предается грусти, измыслия какъ бы дать понять Гризейдѣ о своей любви, ему на помощь приходитъ его другъ Пандарь: человѣкъ добрый, привѣтливый, легко относящейся къ жизни и обходящій противорѣчія любви и долга, дружбы и чести при помощи немудрой философіи, которая такъ рельефно выразилась въ извѣстномъ изреченіи Декамерона: скрытый грѣхъ на половину прощенъ. Реалистъ, какъ Діонео, потѣшный разскащикъ Декамерона, онъ не пошелъ далѣе наивнаго смѣшенія вѣшняго приличія съ нравственностью, которое однако не успокаиваетъ его; устроивъ связь Троила съ Гризейдой, онъ говоритъ, что ради друга попралъ свою честь и совратилъ сердце честной женщины³⁾). Софистъ въ любви, знатокъ женскихъ слабостей, онъ дѣйствуетъ на Гризейду навѣрняка, а самъ — несчастенъ въ любви, потому будто-бы, что не съумѣлъ утаить ее⁴⁾; онъ совѣтуетъ Троилу, опечаленному предстоявшемъ отѣздомъ Гризейды, обратить вниманіе на другихъ троянскихъ красавицъ, потому что

1) I, 20, 24.

2) I, 36.

3) III, 6; VIII, 23.

4) II, 11.

новая любовь прогоняет старую — и вичего не въ состояніи отвѣтить на его вопросъ: почему же онъ не поступаетъ такъ же¹). Противорѣчіе ли это у Боккачо или подмѣченное имъ дѣйствительное противорѣчіе сердца и разсудка въ теоретикахъ мизантропіи, цинизма?

Узнавъ, что Троилъ любить Гризейду, его родственнику, Пандаръ начинаетъ восхвалять ее²): нѣть женщины болѣе ея достойной, столь веселой и привѣтливой, такъ владѣющей словомъ, способной на все великое. Она честна и презираетъ любовь, но онъ надѣется подѣйствовать на нее: у него въ запасѣ есть подходящія рѣчи, а ему удавались и болѣе трудныя дѣла. Главное—чтобы обо всемъ этомъ не стало никому извѣстно; всякому любящему вольно слѣдовать своему влечению, лишь-бы соблюдана была видимость и совершившагося какъ бы не бывало.—Троилъ счастливъ однимъ обѣщаніемъ; не думай, увѣряеть онъ Пандара, какъ Боккачо хотѣлъ-бы увѣритъ Фьямметту³), чтобы я желалъ учинить Бризейдѣ что-либо дурное: пусть бы она дозволила любить себя.

Слѣдующій затѣмъ разговоръ Пандара съ Гризейдой проведенъ превосходно⁴). Онъ пришелъ къ ней и, посидѣвъ немного, какъ то бываетъ между родственниками, сталъ пристально глядѣть на нее. Что съ тобою, братецъ, говорить Гризейда, что ты такъ смотришь, точно никогда меня не видѣлъ?—Потому я смотрю, весело отвѣчалъ Пандаръ, что, коли не ошибаюсь, лицо твое удачливое: такому человѣку ты приглянулась!—Гризейда покраснѣла, какъ утренняя роза: Не издѣвайся надо мной! тому человѣку здѣсь дѣлать нечего, да ничего такого со мною и не приключалось съ тѣхъ поръ, какъ я родилась. — А развѣ ты замѣтила его?—Никого я не замѣтила; правда, кто-то ходитъ мимо и все заглядывается на мою дверь, не зваю только, чего онъ

1) IV, 47 слѣд.

2) II, 22 слѣд.

3) Сон. LXXXIV.

4) II, 34 слѣд.

ищетъ.—Пандаръ догадывается, что она говорить не о Троилѣ, и начинаетъ описывать его достоинства: Пристойно дорогому камню быть въ перстнѣ, хорошо звѣздѣ соединиться съ солнцемъ, такому молодцу съ такой красавицей; всякому лишь однажды выпадаетъ счастье, и кто не съумѣлъ овладѣть имъ, пусть корить себя самъ.—Что ты—искушаешь-ли меня, или за-правду говоришь, или съ ума сошелъ? спрашиваетъ Гризейда. Кому обладать мною, коли не мужу? Но кто же онъ: чужестранецъ или изъ нашихъ?—Пандаръ называетъ Троила.—Я думала, что если я влюбилась въ Троила, ты первый, блюда мою честь, побилъ бы меня, не только бы побранилъ. Что-же будутъ дѣлать другіе, если ты наводишь меня на это дѣло? Съ тѣхъ порь какъ я потеряла мужа, я сторонюсь отъ любви и хочу жить честно.—Пандаръ видитъ, что ему дѣлать нечего и уже собирается уходить. Я хвалилъ тебѣ Троила, какъ похвалилъ бы сестрѣ, дочери, женѣ, говорить онъ; онъ стоитъ больше твоей любви, а какъ онъ отъ нея страдаетъ, это я видѣлъ вчера; ты не вѣришь этому, оттого тебѣ его и не жаль; пожалѣй его ради меня: нѣтъ человѣка болѣе его вѣрнаго, умѣющаго хранить тайну. Онъ любить тебя пуще всего, а вѣдь тебѣ, молодой, хотя ты и въ траурѣ, дозволено любить; не теряй же времени, подумай и о томъ, что старость или смерть отнимутъ у тебя твою красу.—Правду ты сказаъ: годы уносятъ насъ незамѣтно, и многіе умираютъ прежде, чѣмъ завершится путь, назначенный имъ небомъ. Но бросимъ эти мысли; скажи же мнѣ, какъ дознался ты о его любви?—Пандаръ разсказываетъ, какъ онъ подслушалъ любовную пѣснь Троила, какъ засталъ его въ слезахъ и, дознавшись, въ чёмъ дѣло, обѣщалъ ему помочь.—Гризейда ощутила жалость: Не такая я суровая, какъ тебѣ кажется, готова уступить твоему желанію, да онъ того и стоитъ; но пусть удовольствуется тѣмъ, что я погляжу на него, и будетъ остороженъ, чтобы ни мнѣ, ни ему не вызвать укора.

Пандаръ идетъ съ этой вѣстью къ Троилу, а Гризейда, оставшись одна, передумываетъ каждое слово, замечталась о

Троилъ и весело разсуждаетъ про себя: Я молода и красива, богата и родовита, вдова и бездѣтна — и любима. Почему мнѣ не влюбиться? Если это не согласно съ честью — то вѣдь я буду благоразумна и утаю мою страсть такъ, что о томъ никто не узнаетъ¹). Почему и мнѣ не поступить, какъ дѣлаютъ другія? Кому я понадоблюсь, когда буду старухой²). Зачѣмъ не подарю ему мою любовь, не сжалюсь на его слезы? — Да же она впадаетъ въ тонъ Пандара; впадаетъ — Боккаччо, нерѣдко заставляющій свои дѣйствующія лица высказывать общія положенія и вести рѣчи, дорогія автору, но нарушающія цѣльность задуманныхъ имъ характеровъ. Такіе недочеты психологического анализа, или скорѣе композиціи, встрѣчаются и въ Декамеронѣ; слѣдующія напр. размышенія Гризейды поражаютъ своей неприготовленностью: теперь и не время выходить замужъ, говоритъ она себѣ, а коли и было бы, гораздо разумнѣе сохранить свою свободу: любовь, простирающаяся изъ такой связи, всегда болѣе нравится любовникамъ, и какая бы тамъ не была красота, мужьямъ она скоро надоѣдаетъ; случайный глотокъ воды гораздо слаще вина, имѣющагося въ изобиліи, какъ тайная любовь превосходитъ ту, которую даютъ повторенные супружескія объятія³). — Вмѣстѣ съ тѣмъ у Гризейды поднимаются и сомнѣнія: она поминаетъ обратную сторону любви, слезы, ревность, которая хуже смерти; любовь Троила пройдетъ, будетъ открыта.

Пока она волнуется между да и неѣть, Пандаръ уже обрадо-

1) Сл. Fiammetta, стр. 189; Decam. I, 4; IX, 2; Ov. Art. Am. II, 389: Ludite, sed furto celetur culpa modesto; Am. III, 14, 5: Non peccat, quaecumque potest peccasse negare.

2) Сл. Дек. V, 10; Ov. Art. Am., II, 59 слѣд.

3) Сл. Filostrato, II, 74; IV, 153; Filocolo, II, стр. 95; Fiammetta, стр. 71; Decamerone III, 6; VII, 6; Сл. Ovid. Art. Am. I, 347: Sed cur fallaris, cum sit nova grata voluptas, Et capiant animos plus aliena suis? Fertilior seges est alienis semper in agris, Vicinumque pecus grandius uber habet; III, 585—6: Hoc est uxores quod non patiatur amari: Convenient illas, cum voluere, viri. Сл. Amor. II, 19, v. 3: Quod licet, ingratum est, quod non licet, acrius urit.; 25: Pinguis amor nimumque patens in taedia nobis Vertitur, et stomacho, dulcis ut esca, nocet.

валъ Троила, который разцвѣль, какъ свернувшіеся отъ ночнаго холода цвѣтки раскрываются на утреннемъ солнцѣ. Онъ идетъ посмотретьъ на Гризейду: она стоять у окна, не дичится и скромно устремила взглядъ къ нему на грудь. Онъ въ восторгѣ, она внезапно увлекается имъ и мысленно горюетъ о времени, потерянномъ для любви.

Но какъ бываетъ, что вмѣстѣ съ надеждой ростетъ и любовь, такъ было и съ Троиломъ. Гризейда дозволила ему любоваться ею, но этого ему мало; онъ хочетъ чего-то большаго, такъ дурно направлены его желанія¹⁾). Онъ говоритьъ объ этомъ Пандару; тотъ понялъ, въ чемъ дѣло и совѣтуетъ ему написать Гризейдѣ письмо: онъ самъ отнесеть его и замолвить слово. — Но вѣдь женщины стыдливы: она съ негодованіемъ отвергнетъ письмо, и мое положеніе только ухудшится, замѣчаетъ Троилъ; Пандарь успокаиваетъ его, ручаясь, что доставить ему собственноручный отвѣтъ красавицы. Съ письмомъ Троила²⁾ онъ идетъ къ Гризейдѣ; какъ увидѣла она его, оставила свое общество и и ступила нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу, блѣдная, какъ жемчугъ востока, и боясь, и желая вѣсти. Что привело тебя сюда? какія у тебя вѣсти? спрашивается она и, узнавъ о письмѣ, говорить: Да будешь ты счастливъ въ любви, Пандарь, но подумай-же и обо мнѣ, не только о Троилѣ; если надо поступиться честью, чтобы облегчить страданія другого, то, ради Бога отнеси это письмо обратно. — Вотъ еще новости! Чего женщины наиболѣе желаютъ, на то гнѣваются и негодуютъ при людяхъ, но я вѣдь такъ долго говорилъ тебѣ объ этомъ дѣлѣ, что со мной тебѣ нечего стыдиться; не отказывайся-же, прошу тебя. — При этихъ словахъ Гризейда улыбнулась, взяла письмо и, спрятавъ на груди, говорить: Я прочту его, когда будетъ время; если я поступаю дурно, то причина тому желаніе сдѣлать тебѣ удовольствіе; да поможетъ Господь моей простотѣ! — Лишь только ушелъ Пандарь,

1) II, 87.

2) II, 96—106.

она, оставивъ подругъ, ушла къ себѣ въ комнату и принялась за письмо, читаетъ и перечитываетъ каждое слово, благодарить Амура: надо найти время и мѣсто, чтобы утишить это пламя, не то краски сойдутъ съ лица и обличать затаенное желаніе, а это было-бы для меня не малымъ горемъ: я не хочу ни умереть, ни уморить другого. — И она отдается любовнымъ мечтамъ. Снова приходитъ къ ней Пандаръ: Ну, что-же ты скажешь о письмѣ моего друга? — Право не знаю. — Отвѣтила-ли ты ему? — Отвѣчу вскорѣ. — Подумай-же объ этомъ, утѣши его! — Не знаю, какъ это сдѣлать! — Любовь хорошо тому научаетъ. — Я такъ и сдѣлаю, коли тебѣ угодно, но даль бы Богъ, чтобы все пошло благополучно. — Пойдетъ, говорить Пандаръ, на сколько это въ силахъ того, кому оно всего дороже.

По удаленіи Пандара Гризенда садится писать. Ея письмо сдержанно-страстное, все обѣщающее и все берущее назадъ. Она готова сдѣлать пріятное Троилу—подъ условіемъ сохранить свою честность и цѣломудріе; еслибъ свѣтъ былъ таковъ, какимъ-бы ему слѣдовало быть, я охотно склонилась-бы на твои просьбы; теперь съ нимъ надо считаться, иначе намъ обоимъ придется страдать. Жалость влечетъ меня къ уступкамъ, но яувѣрена въ твоей доблести: ты знаешь, что мнѣ пристойно, удовлетворишься моимъ отвѣтомъ и постараешься положить предѣль твоимъ томленіямъ. Мнѣ это больно; поистинѣ, я сдѣлала бы все, что ты желаешь, еслибъ то было не неприлично. Быть можетъ, исполненіе выступить еще на мѣсто желанія; болѣе не пишу, но молю Бога, чтобы онъ удовлетворилъ и тебя и меня.

Прочтя это письмо, Троилъ и Пандаръ заключили, что Гризенда сдалась и защищается лишь для виду. Троилъ ободрился, снова засыпаетъ Пандара. Я ничего иного не въ состояніи сдѣлать, отвѣчаетъ Гризенда, дѣлаю то, что ты самъ наказалъ мнѣ, стану любить его братской любовью. Она дорожитъ вѣнцомъ цѣломудрія; его нахваливаютъ попы тѣмъ, съ кого не могутъ его сорвать, смѣется Пандаръ¹⁾, просить ее бросить свою дикость

1) Сл. Дек. III, 7 = I, стр. 284 русск. пер.

и прямо ставить вопросъ: Скажи же мнѣ, когда ему придти къ тебѣ? — До чего довелъ ты меня, Пандаръ! плачется она; чего ты хочешь отъ меня? Ты заставилъ меня забыть мою честь, я вѣдь не смѣю прямо посмотретьъ тебѣ въ глаза. Зачѣмъ не умерла я въ тотъ день, когда выслушала тебя, а ты заронилъ въ мое сердце желаніе, которое никогда его не покинетъ? Оно будетъ мнѣ утратой чести, причиной безконечныхъ золъ; я болѣе не въ силахъ — и готова сдѣлать все, что тебѣ угодно, лишь бы все сказанное и сдѣланное сохранилось въ тайнѣ. — Ты только не проболтайся, мы не скажемъ ни слова. Когда же придти ему! Пора доткать полотно; любовь, увѣнчанная дѣломъ, скрывается легче. — Гризейда назначаетъ время: вскорѣ праздникъ, всѣ домашніе отправятся туда, она будетъ одна.

Таково содержаніе первыхъ двухъ пѣсенъ Филострато, наиболѣе автобіографическихъ: Боккаччо самъ пережилъ, что заставляетъ перечувствовать Троила, какъ далѣе переживеть въ его лицѣ мученія разлуки. То, что въ третьей пѣснѣ говорится о счастьѣ Троила съ Гризейдой, принадлежитъ не области дѣйствительныхъ воспоминаній, а пылкому воображенію влюбленного поэта, о чемъ онъ уже предупредилъ въ посвятительномъ письмѣ. Троилъ разцвѣль отъ счастья, какъ весной разцвѣтаетъ вся природа ¹⁾; въ темную облачную ночь онъ въ первый разъ посѣщаетъ свою милую, и она опечалена, когда пѣніе пѣтуховъ возвѣстило приближеніе дня ²⁾). Въ описание ихъ блаженства вторгается личное нареканіе Боккаччо: противъ любостяжателей и скопидомовъ, не видящихъ ничего выше денегъ и порицающихъ тѣхъ, кто отдался печальному «безумію любви» ³⁾). Какъ понимаетъ ее Боккаччо, это видно изъ восторженного гимна, который поетъ ей Троилъ: гуляя по саду, подъ руку съ Пандаромъ, онъ не можетъ наговориться съ нимъ о Гризейдѣ и порой принимается пѣть о вѣчномъ свѣтѣ, украшающемъ третью небо,

1) III, 12.

2) III, 42—3.

3) III, 58—9.

о милой солнцу дочери Юпитера, во власти которой состоять и небо и земля, море и преисподня, боги и люди, Юпитеръ и Марсъ; она прогоняетъ малодушіе, дѣлаетъ своихъ поклонниковъ способными ко всему великому, смягчаетъ нравы; она источникъ мира и дружбы, ей вѣдомы тайныя свойства вещей, она даетъ законы миру¹). Самъ Троилъ испытываетъ это вліяніе и преображается: онъ становится мужественнѣе, человѣчнѣе, снисходительнѣе²); это любимый мотивъ облагораживающей любви, уже намѣченный въ лирикѣ Боккаччо³).

Но счастье длилось не долго; съ четвертой пѣснью Филострато мы впервые вступаемъ въ содержаніе французского романа, т. е. того эпизода, который задумалъ обработать Боккаччо. Калхантъ требуетъ выдачи Гризенды; услышавъ о томъ, Троилъ едва удерживаетъ слезы, хочетъ помѣшать выдачѣ, любовь дѣлаетъ его готовымъ на все—и вмѣстѣ съ тѣмъ у него является мысль, какъ-бы Гризенда не разгневалась на него въ своей стыдливости. Онъ мучится, желая и не желая вмѣстѣ; падаетъ, какъ лилія, подрѣзанная плугомъ и сожженная солнцемъ⁴), мятется, какъ быкъ, почувствовавшій смертельный ударъ⁵).—До сихъ поръ я пѣлъ о счастії Троила, хотя къ этому счастію и примѣшивались вздохи, вставляетъ свое слово поэтъ, обращаясь къ Фьямметтѣ: теперь радость обратится въ горе и я съумѣю изобразить его — такъ опечалено мое сердце твоимъ отсутствиемъ. Вернись-же, если не хочешь увидать меня мертвымъ⁶).—Троилъ плачетъ, жалуется на судьбу и Амура, клянетъ Калханта; плачетъ и Пандаръ, котораго онъ позвалъ къ себѣ, но затѣмъ принимается его утѣшать: Ты по крайней мѣрѣ былъ счастливъ, предоставь печалиться мнѣ, который любилъ и

1) III, 74 слѣд.

2) III, 90 слѣд.

3) Сон. I и CIV.

4) IV, 18.

5) IV, 27.

6) IV, 28—25.

не быль удостоенъ даже однимъ взгядомъ; въ Троѣ есть и другія красавицы. — Оставь эти рѣчи Пандаръ; ты такъ говоришь, будто меньшее несчастіе потерять любимое, чѣмъ никогда не владѣть имъ. Повѣрь мнѣ, такую любовь, какъ мою, никогда не изгнать изъ сердца, ее можетъ развѣ утолить время, горе, смерть, или бѣдность и невозможность свиданія¹⁾. — Если тебѣ такъ больно разстаться съ ней, почему ты ее не похитиши? спрашиваетъ Пандаръ. Похищеніе броситъ тѣнь на ея честное имя, отвѣчаетъ Троилъ; я хотѣлъ было попросить ее за себя у отца, но это раскрыло-бы наши отношенія, да отецъ и не отдалъ бы ее за меня, потому что прочить мнѣ другую, и сказалъ бы, что она мнѣ не ровня. — Будь я такъ влюблена, какъ ты говоришь, я все-же увезъ бы ее не смотря ни на что: любовь не знаетъ такихъ тонкостей, не блудетъ ни обѣщаній, ни даннаго слова, а судьба благопріятствуетъ смѣльимъ; да я и не думаю, чтобъ Гризенда разсердилась на то: вѣдь она такъ любить тебя. Разумѣется, мнѣ было бы непріятно, еслибы о ней пошла худая слава; но пусть обойдется, какъ обходится Елена²⁾. — Но Троилъ не хочетъ сдѣлать ничего, что было бы непріятно Гризенду: онъ напередъ попытается ее, и Пандаръ обѣщаетъ устроить ихъ свиданіе. Гризенда съ своей стороны предается горю: Пандаръ застаетъ ее распостертой на постелѣ, она плачетъ, бѣть себя въ грудь, рветъ волосы: Увы, Троилъ, говоритъ она, неужели позволишь ты мнѣ удалиться и не удержишь насильно?³⁾. Увидѣвъ вошедшаго Пандара, она отъ стыда прячетъ въ рукахъ свое заплаканное лицо; самъ Пандаръ разжалобился, но затѣмъ начинаетъ ее усовѣщивать: Полно плакать, подумай, вѣдь сейчасъ явится Троилъ; еслибы онъ зналъ, что ты такъ печалуешься, онъ навѣрно убилъ бы себя. Встань и ободрись, чтобы облегчить, а не усилить его горе. — Въ свиданіи съ Троиломъ Гризенда

1) IV, 59.

2) IV, 74.

3) IV, 91.

падает замертво, а Троилъ готовъ заколоть себя, чтобы соединиться съ милой, если и тамъ, какъ съшно, любятъ. Влюбленные, бѣдствуютъ другъ съ другомъ; Гризейда говорить о возможности свиданій: она будетъ прѣѣзжать въ Трою во время перемирія, а тамъ убѣдить отца, старого и жаднаго, и совсѣмъ оставить ее въ городѣ. Троилу хотѣлось бы повѣрить, что все это такъ, а между тѣмъ не вѣрится: почему же такъ настоятельно требуетъ тебя отецъ? Нѣтъ, онъ не отпустить тебя. Лучше тайно уѣхжимъ отсюда, не смотря на честное слово царя, и гдѣ-нибудь вмѣстѣ, къ обоюдной радости, проведемъ остатокъ дней; таково мое желаніе, если только ты на это согласна. — Но у Гризейды являются сомнѣнія: она завѣряетъ Троила въ своей любви, ничто не отвратить ее отъ него, но его рѣшеніе грозитъ тремя печальными послѣдствіями: нарушенено будетъ честное слово, удаленіе Троила истолкуютъ какъ боязнь и трусость, ея цѣломудріе будетъ запятнано. И она присоединяетъ и еще одно соображеніе, уже предвосхищенное выше и также неумѣстное, потому что заимствованное изъ арсенала Пандара: что тайная любовь милѣе явной и удовлетворяетъ дольше¹⁾). Лучше всего остановиться на принятомъ ею рѣшеніи; черезъ десять дней она свидится съ Троиломъ. — Останься лучше, найди какое нибудь средство, я знаю, ты находчива; посуди сама, каково мнѣ будетъ жить безъ тебя! — Увы! ты убиваешь меня, не знаешь, какъ дѣйствуетъ на меня твое гореванье. Вижу, ты не вѣришь моему слову; но почему же? Куда дѣлось твое самообладаніе? Неужели я такъ не умна, что не найду возможности вернуться къ тебѣ, кого люблю болѣе самой себя? — И она просить не забывать ее для другой, иначе она убьетъ себя. — Мнѣ ли тебя забыть? отвѣчаетъ Троилъ; я полюбилъ тебя не за красоту, не за родовитость и богатство, а привлекли меня твои величавое, сановитое обхожденіе, рыцарственная доблѣсть и рѣчи, твоя несравненная привѣтливость и изящно-горделивая женственность, передъ которой кажутся

1) IV, 158.

низменнымъ всякий обычный поступокъ и желаніе¹⁾. — За этой характеристикой Гризейды мы невольно ищемъ Фьямметту.

Между тѣмъ изъ греческаго стана явился Діомедъ, чтобы сдѣлать Троянцамъ Антенора и увезти Гризейду. Троилъ еще разъ чувствуетъ рѣшимость отчаянія: почему-бы не убить ему Діомеда, не вызвать на бой своихъ братьевъ, не стакнуться съ греками, чтобы они уступили ему Гризейду, не отбить ее у нихъ? Но онъ не рѣшается ни на что, потому что боится, какъ бы сама Гризейда не погибла при этомъ случаѣ. — Когда настало время отѣзда, Гризейда сдерживаетъ свое горе, сѣла на коня, и съ пренебреженіемъ сказавъ Діомеду: Что-жъ, пойдемъ! пришпорила лошадь, простишись лишь съ своими, не слушая ничыхъ пожеланій и никого не удостоивъ взглядомъ. Троилъ съ товарищами провожаетъ ее за городскую стѣну, съ соколомъ на рукавицѣ; при разставаніи они остановились и пристально поглядѣли другъ другу въ глаза; Гризейда не удержалась отъ слезъ, Троилъ подѣхалъ ближе, взялъ ее за руку и тихо шепчетъ: Вернись-же, не дай мнѣ умереть²⁾. И онъ тотчасъ-же повернулъ коня, ни слова не перемолвивъ съ Діомедомъ; тотъ хорошо понялъ, что передъ нимъ двое влюбленныхъ, и пока размышляетъ объ этомъ, самъ незамѣтно влюбляется въ Гризейду.

Вернувшись, Троилъ тоскуетъ, ищетъ утѣшенія, бесѣдуя съ Пандаромъ о Гризейдѣ; тотъ совѣтуетъ ему разсѣяться, увлекаетъ въ лагерь Сарпедона, но Троилу не по себѣ и уже черезъ пять дней онъ упрашиваетъ пріятеля вернуться въ городъ. Не встрѣчу-ли я тамъ своей милой? говоритъ онъ, а Пандарь про себя: Пройдутъ и десять дней, и мѣсяцъ и годъ, прежде чѣмъ ты ее увидишь. Они идутъ посмотрѣть на домъ Гризейды: Троилъ старается казаться веселымъ, но когда увидѣлъ запертыя двери и окна, у него точно сердце разорвалось, такъ онъ измѣнился въ лицѣ. Всюду ему поминается Гризейда; когда онъ

1) IV, 164—5.

2) V, 12.

устаетъ тосковать, забываетъ, тихо напѣвая о своей милой, и все считаетъ дни, и кажется ему, что солнечные кони бѣгутъ не по прежнему.

Горюетъ и Гризейда; зачѣмъ не согласилась она на предложеніе Троила похитить ее? Она сдѣлаетъ все, чтобы убѣжать отсюда, и пусть говорять о ней, что хотятъ. Влюблennyя Діомедъ старается привлечь ея вниманіе; не прошелъ еще четвертый день съ ея приѣзда, какъ зайдя къ ней подъ какимъ то предлогомъ, онъ засталъ ее въ такой печали, что счелъ всякое ухаживаніе напраснымъ. Надо быть великимъ искусствникомъ, чтобы изгнать изъ ея сердца прежнюю любовь¹⁾, говорить онъ себѣ, но какъ человѣкъ рѣшительный и отважный, готовъ попытать счастья.

Присѣвъ, онъ заводитъ рѣчь о распѣ грековъ съ троянцами; спрашиваетъ Гризейду, не кажутся ли ей странными обычай грековъ, и доходитъ до вопроса: почему Калхантъ медлитъ выдать ее замужъ. Занятая своими мыслями, Гризейда не замѣчаетъ его хитрости и «по произволенію своего властелина Амура²⁾» отвѣчаетъ такъ, что порой печалитъ Діомеда, порой возбуждаетъ въ немъ надежды. Ободренный этимъ, онъ продолжаетъ; ему ясно, что она кого-то любить въ Троѣ, но пусть лучше оставить это, ведь городу не спастись, еслибы въ немъ было двѣнадцать Гекторовъ; не даромъ Калхантъ наставлялъ на твоемъ возвращеніи, а я поощрялъ его къ тому, наслышавшись о твоихъ чудесныхъ доблестяхъ, не пощадилъ трудовъ. И такъ, красавица, забудь ненадежную любовь къ троянцу: они всѣ варвары и необразованы, греки умѣютъ любить лучше, и твоя красота найдетъ здѣсь достойнаго поклонника. Если бы ты то дозволила, я сталъ бы охотѣ твоимъ слугой, чѣмъ царемъ надъ греками.— Сказавъ это, онъ вспыхнулъ, голосъ у него задрожалъ, и самъ онъ потупился въ сторону; затѣмъ, быстро

1) VI, 10.

2) VI, 13.

спохватившись, продолжалъ: Не гневайся на меня, я не менѣе хорошаго рода, чѣмъ любой въ Троѣ; будь живъ мой отецъ Тидей, я быль бы царемъ — и еще буду имъ; говорить, мой родъ ведется отъ боговъ. Потому отгони печаль, и если я кажусь того достойнымъ, прими меня своимъ служителемъ; я заслужу это, и Діомедъ еще будетъ твоимъ.

Слушая эти рѣчи, Гризейда горѣла, отвѣчая коротко и отрывисто; ей нравится отвага Діомеда, но пока она принадлежитъ Троилу и отвѣчаетъ тихимъ голосомъ: Я люблю мою родину, желала бы видѣть ее освобожденной; меня печалитъ, что я удалена изъ нея — тѣмъ не менѣе я благодарна тебѣ за все, что ты предпринялъ ради меня. Греки храбры и образованы, нѣть спора, но неразумно хвалить себя, порицая другихъ. По смерти мужа я никого не любила, и нѣть у меня на то охоты; одному я дивлюсь: какъ ты, будучи царскаго рода, могъ увлечься такой простой женщиной, какъ я? Тебѣ была-бы въ пору Елена прекрасная. Я не говорю, чтобы любовь твоя была мнѣ непріятна, но время теперь не такое, вы во всеоружії: дай прійти побѣдѣ, которую ты ожидаешь, я посмотрю; быть можетъ, и я буду болѣе расположена къ веселью и твои рѣчи понравятся мнѣ болѣе; кто хочетъ подѣйствовать на сердце другого, долженъ умѣть выбрать время. — Эти слова обнадежили Діомеда; онъ былъ молодъ и красивъ, высокаго роста, храбръ и краснорѣчивъ, какъ любой изъ грековъ, расположеннъ къ любви. Обо всемъ этомъ раздумала Гризейда по его уходѣ: склониться ли ей или бѣжать отъ новой привязанности? Это и охладило ея страстное желаніе возврата, новые надежды утолили жгучесть страданій; такъ и вышло, что Гризейда не сдержала Троилу даннаго слова.

Въ поэмѣ Боккаччо мы ее болѣе не встрѣтимъ; весь эпизодъ объ ея измѣнѣ сокращенъ въ сравненіи съ тѣмъ развитиемъ, какое онъ получилъ во французскомъ подлинникѣ. Боккаччо писалъ здѣсь не съ натуры: Фьямметта еще не была для него измѣнницей Гризейдой. Героиня французскаго романа страдаетъ и въ тоже время чувствуетъ потребность угышенія, и,

кокетничая съ Діомедомъ, втягивается въ новую любовь; Боккаччо ограничивается одной сценой объясненія; Гризенда какъ то сразу безсознательно измѣняется Троилу: послѣ мужа она будто бы никого не любила, говорить она Діомеду. Видимаго мотива нѣть; если Боккаччо не подсказалъ его впослѣдствії¹⁾, говоря о женской вѣтринности и непостоянствѣ, то вся вина въ Амурѣ: онъ властелинъ Гризенды, онъ и напшептываетъ ей отвѣты, которые то печалятъ, то радуютъ Діомеда.

Насталъ десятый день, и Троилъ идетъ съ Пандаромъ къ городскимъ воротамъ поджидать Гризенду; прошелъ полдень, а она не явилась; видно, отецъ не отпустилъ ее безъ завтрака, утѣшаешь себя Троилъ; можетъ быть, и такъ, говоритъ Пандарь. Снова возвращаются они къ воротамъ: часы проходятъ, настали сумерки, вечеръ; она навѣрно пріѣдетъ ночью, чтобъ не возбудить толковъ, говоритъ Троилъ; посмотри-ка Пандарь, что это тамъ виднѣется? — Коли не ошибаюсь — повозка. — Уже показались звѣзды, Троилъ все ждетъ, а Пандарь смѣется про себя надъ его ожиданіями; уже сторожа у воротъ готовятся запереть ихъ, Троилъ велитъ имъ помедлить болѣе, чѣмъ на два часа, а затѣмъ говоритъ Пандару: Какие-же мы недогадливые! Вѣдь она сказала мнѣ, что десять дней пробудеть съ отцомъ; она, стало быть, пріѣдетъ завтра. Но прошелъ и слѣдующій день, и много другихъ, а Гризенды все нѣть. Троилъ въ отчаяніи; имъ овладѣль лихой духъ ревности, не знающій покоя, какъ то вѣдаются всѣ, испытавшіе его²⁾; въ вѣщемъ снѣ онъ видѣтъ, что вепрь набросился на Гризенду и вырвалъ у нея сердце, а ей это какъ будто и любо; вепрь — это, навѣрно, Діомедъ: вѣдь его отецъ убилъ Калидонскаго вепря. Пандарь едва удерживаетъ Троила отъ самоубийства: не всякому сну надо вѣрить, говоритъ онъ ему; если уже искаль смерти, то вѣдь греки у воротъ; прежде чѣмъ отчаяться, надо разсѣять подозрѣнія: почему бы не написать тебѣ Гризендѣ? —

1) VIII, 30.

2) VII, 18.

И Троилъ пишеть ей письмо ¹⁾; это одно изъ лучшихъ мѣсть поэмы: тихое увѣреніе въ любви, нерѣшительные упреки, робкое подозрѣніе—не задержала ли ее новая привязанность; нѣсколько картинокъ природы, отвѣчающихъ полету чувства куда-то. «Смотрю я на волны, спускающіяся къ морю; она живеть въ ихъ близи; и я говорю: онѣ текутъ туда, гдѣ пребываетъ небесный свѣтъ моихъ очей, и она ихъ увидитъ; почему не могу я, несчастный, быть на ихъ мѣстѣ?» ²⁾.— Отвѣта не было, и Троилъ слегъ; однажды подслушалъ его жалобы и имя Гризейды его братъ Деифеъ и, не показавъ виду, начинаетъ ободрять его: настала весна, насталъ и срокъ перемирия; неужели не выйдешь ты съ нами, по прежнему, на грековъ? Троилъ воспрянулъ, какъ голодный левъ, завидѣвшій добычу: онъ еще слабъ, но будетъ биться на славу, такова его ненависть къ грекамъ. Понялъ Деифебъ, въ чемъ дѣло, сообщилъ о томъ и братьямъ, и они посыпаютъ къ нему троянскихъ женъ, развлечь его музыкой и пѣснями. Всѣ утѣшаютъ его, одна Кассандра, прослышиавъ о Гризейдѣ, клянетъ Амура, посѣтившаго Троила и грозящаго гибелью имъ всѣмъ. И въ кого только онъ влюбился! Еще бы въ благородную даму, а то въ дочь негоднаго жреца, измѣнника! — Троилъ не сдержалъ своего гнѣва: Твои порицанія, Кассандра, уже многимъ учинили горе; не лучше ли было бы помолчать, чѣмъ говорить такъ невоздержно? Надо мнѣ обличить твое безобразіе: ты хочешь пристыдить меня моей любовью къ Гризейдѣ, но пока плохо научилъ тебя Аполлонъ, котораго ты будто бы провела! Если-бы я былъ такъ близокъ къ Гризейдѣ, какъ ты полагаешь, клянусь тебѣ, скорѣе Пріамъ предалъ бы меня смерти, чѣмъ я позволилъ ее увезти. А если бы и было такъ, развѣ она не достойна хоть какого высокопоставленнаго человѣка? — И онъ принимается восхвалять ея красоту и честность, скромность и стыдливость, ея умъ и степенные нравы. Обѣ ея цѣломудрія идетъ

1) VII, 52 схѣд.

2) VII, 65.

молва; что до царственной крови, то вѣдь вѣнецъ и скипетръ еще не дѣлаютъ царемъ; дѣлаетъ доблестъ, не власть; еслибы она могла, она стала бы властствовать не хуже тебя¹).—Ступайте вы всѣ въ недобрый часъ, а коли не умѣете разсуждать, возмите за прялки и постарайтесь исправить свою мерзость, а чужую добродѣтель оставьте въ покой²).

Долгое гореванье Троила сдѣлало его выносливымъ, ненависть къ грекамъ, печаль по убитомъ Гекторѣ быстро подняли его силы: онъ показывается въ битвахъ. Гризейда отвѣтила ему, измысливъ извиненіе, завѣряя въ любви, обѣщая пріѣхать; онъ шлетъ ей письма съ Пандаромъ, пользуясь сроками перемирія, самъ собирается пойти къ ней въ одѣждѣ паломника; но у него ростутъ сомнѣнія. Однажды Деифебъ вернулся съ поля битвы съ платьемъ раненаго Діомеда; на немъ была пряжка, та самая, которую Троилъ подарилъ Гризейдѣ въ утро передъ разставаньемъ. Тогда ему стало все ясно: онъ коритъ Гризейду, взыываетъ къ мести боговъ, ищетъ случая сразиться съ Діомедомъ; нѣсколько разъ они боятся, осыпая другъ друга ударами и бранными словами, пока Троилъ не падъ подъ ударами Ахилла. Такъ осуществились надежды, которыя Троилъ возлагалъ на негодную Гризейду, заключаетъ свой разсказъ Боккаччо и, обращаясь къ новичкамъ въ любви, просить ихъ поучиться на его примѣрѣ: молодая женщина вѣтрена³), мѣрка ея красоты не одно зеркало, а и толпа поклонниковъ; она кичится своей молодостью, не знаетъ ни добродѣтели, ни совѣсти, и вѣчно колеблется, какъ листъ по вѣтру (*come foglia al vento*). Иныя изъ нихъ, высокородныя, знающія счетъ своимъ предкамъ, полагаютъ, что это даетъ имъ преимущество въ любви, выступаютъ надменно, поднявъ носъ къ верху; этихъ берегитесь, онъ дуры, не благородныя женщины. У женщины совершенной болѣе по-

1) VII, 99.

2) VII, 101.

3) VIII, 30: Giovane donna è mobile.

стоянства въ любви; ей нравится быть любимой; она разбираетъ и смотрить, чего ей слѣдуетъ избѣгать, устраниетъ и останавливается на выборѣ, предусматриваетъ и ожидаетъ предложенія. Этихъ слѣдуетъ любить; но не надо выбирать поспѣшно, потому что не всѣ одинаково разумны, хотя были-бы и въ лѣтахъ; такихъ и цѣнять менѣе¹⁾.

Въ послѣдней коротенькой пѣснѣ²⁾ Боккачъо обращается къ своей поэмѣ: пусть отправится она къ прелестной дамѣ его сердца и умолитъ ее вернуться. Я знаю и чувствую, что она можетъ обратить меня въ ничто, можетъ и вознести выше, чѣмъ я того стою; эта мысль, болѣе, чѣмъ скорбь разлуки, и сдѣлала мою поэму говорливой. — И онъ кончаетъ пожеланіемъ себѣ радостнаго отвѣта.

Даже въ нашей краткой передачѣ содерянія поэмы не трудно было замѣтить неровности ея исполненія. Авторъ видимо спѣшилъ къ концу³⁾: смерть Троила разсказана въ двухъ словахъ; могутъ сказать, что и Гризейда сдается Дюомеду слишкомъ поспѣшно, тогда какъ здѣсь именно представлялся большой сюжетъ для психологической разработки. Можно-бы объяснить эту краткость въ связи съ автобіографическими мотивами поэмы⁴⁾, но именно по отношенію къ нимъ, а вмѣстѣ и къ хронологіи боккачъевскихъ произведеній Филостратъ вызываетъ вопросъ, который мы предрѣшили, поставивъ его разборъ на первомъ мѣстѣ⁵⁾. Точно-ли слѣдуетъ отнести эту поэму къ порѣ чающей, еще не удовлетворенной страсти? Такъ завѣряетъ нась авторъ, но у него могли быть на то свои причины, онъ желаятъ отвести глаза, и отѣздъ Фьямметты, можетъ быть, такой же его вымыселъ, какъ и увѣреніе, что Троилъ и Боккачъо сходны лишь по мукамъ ревности, не по взаимности счастья. И въ самомъ

1) VIII, 31—2.

2) IX, 1—8.

3) Сл. VIII—IX пѣсни.

4) Сл. выше стр. 137.

5) Согласно съ Crescini, Contributo, стр. 197.

дѣлъ: Троилъ волнуется и негодуетъ, какъ обманутый, не какъ чающій любовникъ, къ послѣднему выбору такого сюжета, какъ эпизодъ о Троилѣ, не идетъ, и немыслимы страстныя нареканія на женщину, когда дѣло шло, какъ насъ увѣряютъ, лишь объ отѣздѣ милой. Все это какъ-бы перемѣщаетъ Филострата къ другому биографическому моменту, когда сѣтованія Троила уже были мотивированы измѣной.

Къ этому присоединяется и соображенія литературно-естетического характера. Въ сравненіи съ Филоколо, начатымъ въ Неаполѣ, дописанномъ во Флоренціи, Филострато является произведеніемъ болѣе цѣннымъ, лучше скомпонован-нымъ, авторъ свободнѣе орудуетъ языккомъ, обнаруживая большее мастерство стиля и характеристики — и окончательно порвалъ съ миѳологіей, которая переполняетъ его Филоколо и отъ которой онъ освобождался постепенно, по мѣрѣ того какъ зреѣтъ его талантъ.

Противъ всѣхъ этихъ соображеній могутъ быть выставлены другія, вѣскія. Нѣтъ сомнѣнія, что Боккаччо старался маскировать свои отношенія къ Фьямметтѣ, но въ данномъ случаѣ нѣть никакихъ особыхъ поводовъ предположить, чтобы отѣздъ Фьямметты былъ исключительно декораціей. Боккаччо былъ ревнивъ; вспомнимъ его горе, когда Фьямметта запретила ему сопровождать ее въ Байи. По случаю другой, болѣе долгой отлучки, ему вспомнился сѣтующій, ревнивый Троилъ, и въ этой чертѣ онъ подчеркнулъ самого себя; что сказано о Гризейдѣ, воспроизводятъ черты унаслѣдованной фабулы; оттого такъ небрежно мотивирована измѣна и едва намѣчена смерть Троила.

Стилистический моментъ схваченъ вѣрно: дѣйствительно, въ сравненіи съ октавами Филострата проза Филоколо производить болѣе архаичное, скажемъ болѣе, неуклюжее впечатленіе, но не слѣдуетъ забывать, что въ художественномъ стилѣ своей прозы Боккаччо былъ почти начинателемъ; здѣсь преданіе его не связывало, но и не указывало путей; ему приходилось творить, и онъ не-редко распространялся безъ мѣры, увлекаясь эпизодами, отдаваясь

своей словоохотливости и падению цicerоновского периода. Все это отзывается еще и в прозе Декамерона. Наоборотъ, поэзия повествовательного содержания была создана, ее стиль и техника установились, когда Боккаччо принялъ писать въ ее формахъ — и формулахъ; длиннымъ назиданиемъ не было места, разскажь поневолѣ послѣднѣй за октавой, и получалось впечатлѣніе чего-то болѣе живого, спѣшащаго, цѣлаго. Это — хронологические моменты, но не по отношенію къ Боккаччо, а къ тѣмъ литературнымъ преданіямъ, въ которыхъ онъ являлся то начиателемъ, то продолжателемъ, художественно воспоминавшимъ готовыя формы поэтической рѣчи: его октава бойко спѣшить въ Филостратѣ, тише движется въ Тезеидѣ подъ стать содержанію, рѣзы и фамильярно-небрежна въ *Ninfale Fiesolano*.

Биографическимъ, не хронологическимъ моментомъ объясняются въ Филострато совершенство характеристики: Пандаръ, Гризенда, Троилъ смѣло могутъ подать руку лучшимъ образамъ Декамерона; сложный и тонкій профиль Пандара стоитъ выше многихъ изъ нихъ. Въ Филоколо нѣть ничего подобнаго, лица тусклы и вялы, нѣть того смѣха и жизнерадостности, которая проникаетъ Филострато, перебивая его скорбныя ноты. Съ Филоколо Боккаччо на нѣсколько лѣтъ уйдетъ въ гореванье и созвукный ему дантовскій аллегоризмъ; лишь переживъ то и другое, освободившись отъ гнетущаго чувства, онъ очнется, и смѣхъ и жизнерадостность наполнятъ Декамеронъ. Между Филострато и Филоколо разница не столько таланта, сколько настроенія и литературныхъ вліяній.

Остается еще одно соображеніе, заимствованное отъ мифологического балласта. Начинающему гуманисту онъ былъ дорогъ, какъ вѣшній матерьяль эрудиціи: такъ въ Филоколо; позже поэтъ овладѣваетъ имъ, подчиняя человѣческому дѣйствію: канва *Ninfale Fiesolano* могла бы въ сущности обойтись и безъ Діаны. Но безъ этого материала Боккаччо никогда не обходится, когда сюжетъ разската шелъ ему на встрѣчу. Если Филострато стоитъ въ этомъ отношеніи особо, то потому, что находился за чертой

сознательно-гуманистическихъ стремленийъ, а французскій источникъ Боккаччо обошелся безъ миѳологіи.

Филострато—первая известная намъ попытка художественно овладѣть той народно-эпической формой, въ которой пересказывались въ Италии, на площадяхъ и посидѣлкахъ, сюжеты легенды, захожей новеллы и французского эпоса, когда, обнароднѣвъ, онъ освободился отъ перенятой, вмѣстѣ съ содержаніемъ, формы долговязыхъ ассонансированныхъ тирадъ. Поэмы флорентійца Антоніо Пуччи, современника Боккаччо, и нѣсколько другихъ, относящихся къ половинѣ XIV-го вѣка, даютъ понятіе объ этой народно-поэтической манерѣ: вмѣсто длинной вереницы стиховъ или риѳмованныхъ двустишій, въ которыхъ дѣйствіе застывалось, — октава, рѣзко очерченная, торопившая движение отъ первой половины строфы, гдѣ поэтъ, располагая шестью стихами, могъ двигаться относительно свободно, къ послѣдней связанной риѳмой парѣ, лишь временно замедляющей движение ритма—передъ новой октавой. Это чередование строфы и антистрофы вносило въ изложеніе болѣе живости, спѣха — и дѣйствіе ему отвѣчало: обыкновенно небольшая тема, фантастическое или чувствительное происшествіе, элементъ чудеснаго, умѣренный благодушнымъ смѣхомъ, обращенія къ Богу и святымъ — и слушателямъ, незатѣйливыя риѳмы, готовые эпитеты, общія мѣста въ описаніяхъ красоты, убранства — и преобладаніе диалога. Все это было во вкусѣ той публики, къ которой обращались народные сказатели: итальянской и буржуазной, искашшей въ темахъ романа не рыцарскаго идеала, а нового развлечения, новеллы.

Пріемы Боккаччо, въ сущности, тѣ же, но его поэтическій цензъ выше, и у него публика другая: онъ пишетъ для неаполитанскихъ придворныхъ кружковъ, для Фьямметты. И у него коротенькая тема, — эпизодъ любви и невѣрности, распространенный описаніями, разсужденіями, посланіями; въ нихъ много реторики, но все носитъ личную печать; и у него пріемъ обращенія, но не къ слушателямъ, собравшимся вокругъ разсказчика,

а къ новичкамъ въ любви, которые научатся на примѣрѣ Троила, къ Фьямметтѣ, которую онъ хочетъ разжалобить.

Художникъ сказывается въ мастерствѣ діалога, въ характеристицѣ дѣйствующихъ лицъ: вмѣсто марionетокъ-типовъ полународной эпической пѣсни въ первый разъ являются люди, мелкие недочеты психологического анализа исчезаютъ въ массѣ тонко подмѣченаго, схваченнаго въ жизни, лично пережитаго. Троиль—идеалъ влюбленаго, Фьямметта можетъ быть спокойна: онъ сдержанъ и остороженъ, полонъ безконечной преданности и вѣренъ тайнѣ; если онъ колеблется, то потому, что не хочетъ ее выдать; когда Гризенда увѣряетъ Діомеда, что послѣ мужа она никого не любила, она говоритъ такъ по естественной стыдливости, не изъ желанія скрыть дѣйствительныя отношенія; Троиль гнѣвно устраниетъ подозрѣнія Кассандры, и восхваляя цѣломудріе Гризенды, дѣйствуетъ въ виду одной цѣли: сохраненія тайны. Въ обращеніи къ юношамъ Боккачъ рисуетъ свой идеалъ «современной» женщины, разумной въ выборѣ, постоянной въ любви, не кичащейся своимъ родомъ. Это было застѣнчивое указаніе Фьямметтѣ и вмѣстѣ усилие освободиться отъ робости: онъ еще въ положеніи Идаага, котораго любовно манилъ къ себѣ высокородная красавица, а онъ — сынъ купца и боится, не насытится ли она надъ нимъ¹). Въ беззавѣтной страсти бѣдной Лизы къ королю Пьетро²) Боккачъ могъ поэтически пережить моменты своихъ собственныхъ колебаній.

Но любовь взяла свое; робкіе люди способнѣе другихъ на отчаянныя выходки. Однажды ночью, въ октябрѣ³) когда мужъ Фьямметты уѣхалъ въ Капую, а она одна засыпала въ постели, ей представилось нечто, что было не сновидѣніемъ: рядомъ съ

1) Си. сон. XXVII. Сл. у Андрея Капеллана (l. c. lib. I, c. VI, стр. 40) вопросъ дамы ухаживающему за нею купцу: *Sed ubi deprehendi major audacia potest, quam illius, qui totius hebdomadis tractu variis mercimonii lucris toto mentis intrudit affectu?*

2) Декамеронъ X, 7.

3) Когда Аполлонъ умѣрялъ ядовитый холодъ Скорпиона, Ameto стр. 146.